

**К 100-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
TO THE CENTENNIAL OF THE RUSSIAN ACADEMIC ARCHAEOLOGY**

**Древности Восточной Европы,
Центральной Азии и Южной Сибири
в контексте связей и взаимодействий
в евразийском культурном пространстве
(новые данные и концепции)**

**Antiquities of East Europe, South Asia
and South Siberia in the context
of connections and interactions within
the Eurasian cultural space
(new data and concepts)**

**I. ДРЕВНЯЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО
КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (НОВЫЕ ДАННЫЕ И КОНЦЕПЦИИ)**

**ANCIENT CENTRAL ASIA IN THE EURASIAN CULTURAL CONTEXT
(NEW DATA AND CONCEPTS)**

*Организация конференции и издание материалов проведены
при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-09-20008*

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

*Редакционная коллегия тома I: В. А. Алёшкин, Л. Б. Кирчо (отв. редакторы),
В. П. Никоноров, В. Я. Стёганцева, В. В. Терёхина*

Рецензенты: д. и. н. Л. Б. Вишняцкий, д. и. н. А. А. Выборнов

Программный комитет конференции: академик РАН, д. и. н., проф. М. Б. Пиотровский (Государственный Эрмитаж, почетный председатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН, председатель); д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН, сопредседатель); д. и. н. В. А. Дергачёв (Высшая антропологическая школа, Молдова, сопредседатель); д. и. н. И. Ф. Попова (ИВР РАН, сопредседатель); академик АН Республики Узбекистан, д. и. н., проф. Э. В. Ртвеладзе (сопредседатель); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, зам. председателя); к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); Dr. Prof. Н. Бороффка (Германский археологический институт, Германия); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН); Dr. Э. Кайзер (Свободный университет Берлина, Германия); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Кияшко (Южный федеральный университет); к. и. н. П. Ф. Кузнецов (СГСПУ); к. и. н. Н. М. Малов (СНИГУ); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); д. и. н., проф. Д. Г. Савинов (Институт истории СПбГУ); к. и. н. В. Н. Седых (Институт истории СПбГУ); к. и. н. Н. Н. Скакун (ИИМК РАН); к. и. н. Н. Ф. Соловьёва (ИИМК РАН); к. и. н. А. И. Торгоев (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

Организационный комитет конференции: к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, председатель); к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); А. И. Климушина (ИИМК РАН, отв. секретарь); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); В. Я. Стёганцева (ИИМК РАН); В. В. Терёхина (ИИМК РАН, МАЭ РАН, отв. секретарь); к. и. н. Е. С. Ткач (ИИМК РАН); И. Ж. Тугаева (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

**Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции):
Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург.
Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства
(новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археоло-
гии Вадима Михайловича Массона. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. — 291 с.**

ISBN 978-5-907053-34-2

DOI 10.31600/978-5-907053-34-2

- Байпаков К. М. 2007. Огузы, туркмены и сельджуки в городах Жетысу и Южного Казахстана // Известия НАН Республики Казахстан. 1 (253), январь–февраль. С. 35–61.
- Бартольд В. В. 1963. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. 1. М.
- Струве В. В. (отв. ред.). 1939. Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л. Т. 1.
- Толстов С. П. 1947. Города гузов // СЭ. № 3. С. 68–71.

PROJECT “NOMAD STATE FORMATION AND URBANIZATION: THE EARLY MEDIEVAL TOWN OF DZHANKENT (ARAL SEA REGION, KAZAKHSTAN)”

Irina A. Arzhantseva*, Heinrich Heinz Haerke**, Azilkhan Tazhekeev***

* *Institute Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; Center for Antique and Eastern Archeology of the Institute of the Classical East and Antiquity of the National Research University of the Higher School of Economics, Moscow, Russia;* ** *Tubingen University, Tubingen, Germany; Center for Antique and Eastern Archeology of the Institute of the Classical East and Antiquity of the National Research University of the Higher School of Economics, Moscow, Russia;* *** *Kyzyl-Orda State University named after Korkyt Ata, Kyzyl-Orda, Kazakhstan*

Keywords: *Jankent, Eastern Aral Sea area, nomads, Early Middle Ages, cities, natural-science methods.*

The paper presents the results of interdisciplinary research at the ancient urban settlement of Dzhankent (Eastern Aral Sea area, Kazakhstan). The goals and main issues of this project are at the center of several intersecting discussions of international scientific interest: steppe urbanization, nomadic states, desertification in the eastern part of the Aral Sea area and changes in the flow of the Syr Darya delta channels. The structure and layout of the site were determined by using geophysical, topographic and photogrammetric methods. According to the results of geomorphological and soil investigations, paleoclimatic reconstructions of the conditions, in which Jankent functioned, were made.

ИЗ ОНТОЛОГИИ ЕВРАЗИЙСКОГО НОМАДИЗМА — РОЖДЕНИЕ СМЫСЛА

И. В. Бруяко*, Е. П. Секерская**

* *Одесский археологический музей НАН Украины, Одесса, Украина;* ** *Южноукраинский Национальный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Одесса, Украина*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-241-243

Ключевые слова: *номадизм, кочевники, степь, Евразия, скотоводство, миграция.*

Номадизм как социокультурный стандарт, венчавший тысячелетнюю историю евразийского пастушества — явление моноцентричное, хотя и с обширным первичным ареалом. Попытки как-то ограничить этот ареал пока следует признать безуспешными. На сегодня он делегируется целому ряду областей Центральной Азии, у каждой из которых приблизительно равные шансы быть признанной в качестве такового (Алтай, Синцзян [Джунгария], Восточный Казахстан, Семиречье, Тува).

Предпосылки возникновения номадизма могут составлять более или менее значительный перечень различных состояний. Что же касается факторов, вызвавших к жизни данный феномен, то главным здесь видится природно-климатический. А его паневразийский характер был обусловлен такой универсальной формой организации культурного пространства, как миграция.

С экономической точки зрения номадизм, в особенности на ранней стадии, — явление маргинальное. И распространение такой формы хозяйственной стратегии в сочетании

с новыми поведенческими стереотипами и стандартами повседневного образа жизни вряд ли произошло бы столь стремительно, если бы на пути этого широтно заданного импульса в разных районах Великой Степи не имелось бы условий для их восприятия. Эти локальные предпосылки можно называть региональными проявлениями прото-номадизма (или предномадизма). Они сформировались в результате оптимизации хозяйственно-экономической стратегии в ответ на экологический вызов, из-за которого Великая Степь оказалась в целом непригодной для жизнедеятельности, даже исходя из субсистентного минимума ресурсной базы. Степные социумы распадаются, их представители рассеиваются в диаспоры, которые формируются в районах с более стабильными условиями. Так, вслед за смещением к северу ландшафтных зон какая-то часть бывших степняков вливается в сообщества земледельцев-скотоводов лесостепных областей. Последние, хотя и в меньшей степени, также испытывают экономический дискомфорт. И под влиянием двух факторов происходят депопуляция степной полосы и расселение какой-то части бывших ее обитателей в лесостепных районах, где хозяйственно-экономическая деятельность приобретает новые формы, адаптирующие ее к новым условиям. Возникают ландшафтно-трансзональные отгонные циклы скотоводства, маршруты которых в основном привязаны к руслам крупных рек. По всей вероятности, формируется (выделяется) и особая социальная группа, отвечающая за это направление хозяйственной деятельности.

Кое-где в ограниченных, относительно благоприятных анклавах степной полосы потомки населения эпохи поздней бронзы образуют локальные союзы скотоводческого населения. Такие своего рода ландшафтные рефугиумы, как правило, тяготели к предгорным районам (Северный Кавказ, Предгорный Крым, предгорья Копетдага), либо к долинам (устьям) крупных рек (Дон, Волга, Приаралье с Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей, Дунай). В таких ареалах очевидно существовали микроклиматические зоны с более мягкими условиями и относительным разнообразием биоресурсов.

Таким образом, в европейской части Великой Степи вполне отчетливо прослеживается наличие двух групп населения, одну из которых можно считать реликтовой степной, а другую наоборот — вновь образованной в составе традиционных земледельческих сообществ. Они были максимально экономически и социально предрасположены к восприятию нового типа культуры. Именно их представители легче всего интегрировались (самостоятельно либо принудительно) в новый мир, рождение которого произошло в результате мощного миграционного импульса широтной направленности на рубеже II–I тыс. до н. э.

FROM THE ONTOLOGY OF EURASIAN NOMADISM — THE BIRTH OF MEANING

Igor V. Bruyako*, Elena P. Sekerskaya**

* Odessa Archaeological Museum of the National Academy of Sciences of Ukraine, Odessa, Ukraine;

** K. D. Ushynsky South Ukrainian National Pedagogical University, Odessa, Ukraine

Keywords: nomadism, steppe, Eurasia, cattle breeding, migration.

Nomadism is a monocentric phenomenon, albeit with an extensive primary range. To date, this area covers a number of areas of Central Asia. Among the factors that brought the phenomenon of nomadism to life, the main one is natural-climatic. As for the continental, pan-Eurasian nature of this phenomenon, it was stipulated by such a universal form of organization of the cultural space as the migration. Simultaneously with this fundamental factor in various regions of the Great Steppe, there were certain prerequisites for the perception of new cultural standards, which can be called manifestations of protonomadism. So, the farmers of the forest-steppe expanded the area of their economic activity at the expense of deserted steppe regions, thereby creating a new, much more mobile, form of cattle-breeding. In relatively favourable, against a general negative landscape-climatic background, steppe zone enclaves, small-sized local groups of cattle breeders — the original inhabitants of the steppes —

could be preserved as relic ones. It is these groups that were most easily integrated (independently or forcefully) into the new world, the birth of which took place as a result of a powerful cultural impulse of the latitudinal direction at the turn of the 2nd — 1st millennia BC.

РЕПОВИДНЫЕ СОСУДЫ МАНЫЧСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО СВЯЗЕЙ С ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИМИ КУЛЬТУРАМИ

В. Я. Стеганцева

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-243-244

Ключевые слова: реповидные сосуды, манычская катакомбная культура, эпоха средней бронзы, связи с земледельческими культурами.

Реповидная керамика составляет почти треть керамических изделий, найденных в погребениях манычской катакомбной культуры. Сосуды, которые входят в эту категорию — широкие, тяжелые, с усиленным венчиком — выглядят весьма странно для обихода кочевников (Стеганцева 2004: 439), в котором скорее можно ожидать емкости более легкие, тонкостенные, скорее деревянные, кожаные или металлические.

Ряд признаков — форма тулова, венчика, орнамент и их сочетание, составляющие образ тарной керамики, позволяют предположить происхождение реповидной керамики из земледельческих культур. Раздутая и приземистая форма в сочетании с массивным плоским венчиком-ободком более всего напоминают сосуды-пифосы, известные в культурах Крита, Южного и Северного Кавказа.

Более половины этих сосудов орнаментированы. Большая часть орнаментов представлена налепными валиками, расчлененными насечками или пальцевыми вдавлениями. Валики обычно расположены выше наибольшего диаметра, в нижней части плечиков сосуда. Сосуды-пифосы из кладовых дворца Миноса украшены орнаментом из налепных валиков с насечками. Там этот орнамент назван «веревочным» и считается, что он имитирует веревочные сети, которые применяли для переноски больших сосудов (Пендлбери 1950: 152, рис. 54, 2; Evans 1930: 264, fig. 179). Гораздо меньшее количество реповидных сосудов орнаментировано по верхней части плечиков заштрихованными треугольниками, вершины которых направлены вверх или вниз. Особое внимание вызывают крестообразные фигуры из налепных валиков с пальцевыми вдавлениями, расположенными на внутренней стороне дна и, изредка, на наружной.

Мотивы и приемы нанесения орнамента реповидных сосудов находят аналогии в куро-аракской культуре Северного (Мунчаев 1994б: 218, табл. 60, 2; 220, табл. 61, 8) и Южного Кавказа (Кушнарёва 1993: 70, рис. 26, 40, 62; Мунчаев 1994а: 19, табл. 1, 1–6), новосвободненской культуре (Резепкин 2012: 145, рис. 16, 3; 250, рис. 122, 5–6) и материалах курганов Триалети (Джапаридзе 1994: 76, табл. 18, 27; 82, табл. 21, 31, 36–38).

Литература

Джапаридзе О. М. 1994. Триалетская культура // Марковин В. И., Кушнарёва К. Х. (ред.). Ранняя и средняя бронза Кавказа. М. С. 75–92 (Археология СССР. Т. 14).

Кушнарёва К. Х. 1993. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э. СПб. (Археологические изыскания. № 9).

Мунчаев Р. М. 1994а. Куро-аракская культура // Марковин В. И. Кушнарёва К. Х. (ред.). Ранняя и средняя бронза Кавказа. М. С. 8–57 (Археология СССР. Т. 14).